П.Ю. Уваров

ОТ ШКОЛ К УНИВЕРСИТЕТУ: РОЖДЕНИЕ КОРПОРАЦИИ

В предыдущей главе говорилось о возникновении института *licentia docendi* как первом шаге к самоорганизации мира парижских школ. Но почему лишь в единичных случаях старые центры образования сами собой трансформировались в университеты, а подавляющее большинство блестящих школ XII в. университетами так и не стали? Этот вопрос можно поставить и шире: почему на рубеже XII и XIII вв. возникла такая форма трансляции и организации знания, как университет — форма, оказавшаяся необычайно устойчивой и способной к адаптации в новых условиях?

Происхождение университетов представляет собой загадку лишь в случае тех корпораций, которые возникли спонтанно. Они образовали новые институционные формы, и затем власти просто стали заимствовать эти формы, чтобы основывать университеты в других местах — в Неаполе (1224), Тулузе (1229), Саламанке (1231). Данный процесс нашел отражение в хартиях, выданных императором, папой, королем[1]. Обстоятельства же рождения первых четырех университетов — в Болонье, Монпелье, Оксфорде и Париже — уникальны в каждом случае, однако синхронность процессов, приведших к оформлению университетской корпорации, трудно отрицать.

Немного историографии

Парижский случай известен более всего, точнее — о нем сохранилось больше свидетельств источников и сочинений историков. В относительно недавней монографии Натали Горошов выборочная библиография, в которой явное

---

[1] Другим путем возникновения университетов является миграция магистров и студентов в результате сецессии — организованного переселения в другой, более гостеприимный город. Например, из Болоньи в Верчелли или в Ареццо. Но и в этом случае корпорация не возникала сама собой, а просто была «пересажена» на другую «почву».

предпочтение отдается исследованиям последних десятилетий, включает в себя свыше тысячи работ[2].

Если обратиться к истокам «научной» историографии Парижского университета, то ее родоначальником следует считать Этьена Паскье (1529–1615), автора «Разысканий о Франции»[3]. Первый вариант этого сочинения был опубликован в 1560 г., а последнее прижизненное издание вышло в 1607 г. В третьей части нашей книги мы еще вернемся к фигуре этого неординарного автора.

Этьен Паскье одним из первых в исторической науке проявил себя последовательным сторонником критического метода, уделяя основное внимание работе с источниками. Очерки, посвященные истории Парижского университета, были включены Паскье в восьмую книгу его «Разысканий...». Автор развенчивает укорененный в средневековой и гуманистической историографии миф о том, что Парижский университет основал Карл Великий (768–814), вполне определенно датируя начало известности парижских школ лишь XII веком, а формирование университета относя к правлению Филиппа II Августа (1179–1223) и понтификату Иннокентия III (1198–1216). Даже если оценивать труд Паскье с позиций современной науки, он описал процесс становления университета достаточно точно. В принципе, за четыре истекших столетия историография Парижского университета продолжает двигаться по колее, проложенной французским эрудитом. Меняются лишь акценты.

Конечно, Паскье был тенденциозен, отстаивая церковное (а не королевское) происхождение университета и, соответственно, приоритет теологов над «артистами». В последующие два столетия летописец Парижского университета С.-Э. Дю Буле[4] и его популяризатор Ж.-Л.-Б. Кревье[5] воссоздали богатую событийную канву университетской истории. И в отличие от Паскье оба эти автора подчеркивали роль

---

2 *Gorochov N.* Naissance de l'Université. Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245). Paris, 2012.

3 *Pasquier E.* Les Recherches de France. Paris, 1621.

4 *Du Boulay C.-E.* Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1665–1673. 6 vol.

5 *Crevier J.-B.-L.* Histoire de l'Universté de Paris depuis son origine jusqu'en l'année 1600. Paris, 1761. 7 vol.

факультета искусств. Для них университетская корпорация — в первую очередь «любимая дочь короля», обладающая в основном светским характером.

В XIX в. главным памятником университетской историографии стала объемная публикация документов, главным образом церковного происхождения[6]. История университета предстает здесь в виде ряда институциональных конфликтов — это ви́дение предопределило ее восприятие в классической работе Г. Рэшдола[7]. Именно эта версия была моментально подхвачена в отечественной историографии — как в обобщающем труде по истории университетов[8], так и в исследовании, посвященном ранней истории Парижского университета[9].

Для историков середины XX в. важно было подчеркнуть социальный аспект процесса генезиса университета, в частности близость мира магистров и студентов с ремесленниками и торговцами[10]. Реакцией на достаточно долгое доминирование социальной истории университетов стало акцентирование собственно духовных аспектов данного процесса[11], внимание к административным проблемам церковного устройства и личностным факторам[12]. В на-

---

6 Chartularium Universitatis parisiensis / Éd. par H. Denifle, E. Chatelain. Paris, 1889–1897. 4 t. (далее — CUP).

7 *Rashdall H.* The Universities in the Middle Ages. Oxford, 1895. 2 vol. in 3.

8 *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. М., 1898.

9 *Фортинский Ф.Я.* Борьба Парижского университета с нищенствующими монахами в половине XIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Сентябрь. С. 61–89.

10 В этом сходились и советский историк-марксист, «антигерой» современных российских медиевистов, и французский историк, ставший для тех же медиевистов кумиром. См.: *Сидорова Н.А.* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (к вопросу о реакционной роли католической церкви в средние века). М., 1954; *Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Âge. Paris, 1957.

11 *Ferruolo S.C.* The Origins of the University: The Schools of Paris and their Critics, 1100–1215. Stanford, 1985; *Grundmann H.* Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. Berlin, 1957.

12 *Baldwin J.W.* Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chantre and his Circle. Princenton, 1970. 2 vol.; *Idem.* Philippe Auguste et son gouvernement. Paris, 1991.

стоящее время количество накопленных данных таково, что позволяет предпринять попытку просопографического исследования университетских магистров эпохи формирования университетов[13]. Новые сведения очень важны, без них реконструкция генезиса Парижского университета невозможна. Однако сами по себе они не раскрывают загадки его возникновения.

Если же вернуться к Паскье, то, несмотря на густо разросшееся «генеалогическое древо» исследователей университета, именно у него можно найти черту, которой нет у его последователей: внимание к пространственному аспекту университетской истории. Для него, например, важно было точно локализовать соборную школу, привязав ее к епископскому дворцу и оговорив, что традиции учености сохраняются там и поныне (т.е. до начала XVIII в.), — недаром на улице Нотр-Дам, близ собора, сохранилось скопление книжных лавок[14]. Укоренившись в Сите, образованность оттуда перебралась на Левый берег, в монастырь Сен-Виктор. Затем из-за обилия учеников, которых уже не могла вместить соборная школа, занятия «свободными искусствами» были перенесены в церковь Сен-Жюльен-ле-Повр, приорат, разделенный с епископским дворцом узкой протокой, через которую перекинут был Малый мост, на котором вскоре тоже преподавали магистры. Церковь Сен-Жюльен-ле-Повр — исторический центр факультета искусств: там проходили выборы ректора, там организовывались самые торжественные мероприятия факультета. Поначалу в этой церкви велось и преподавание, затем «артисты» заняли близлежащую улицу Соломы. Там, по мнению Паскье, были построены четыре больших здания, называемые «зал англичан», «зал пикардийцев», «зал нормандцев» и «зал французов» откуда потом и пошли университетские «нации».

Обрисовывая границы древнейшего университетского района — от аббатства Сен-Виктор до церкви Сен-Жюльен-ле-Повр, Паскье пишет, что первые школы разместились узкой лентой (*en ceste bas liziere*) вдоль реки, а школ ни на холме

---

13 Этому посвящена внушительная по объему монография Натали Горошов, о которой уже упоминалось выше: *Gorochov N.* Naissance de l'Université…

14 *Pasquier E.* Les Recherches de France. Paris, 1621. P. 804.

св. Женевьевы, ни на улице Сен-Жак, ни на улице Арфы в ту пору еще не было[15]. Настоящей драмой в глазах Паскье стало отчуждение аббатства Сен-Виктор от университета после постройки стены Филиппа-Августа. Но традиции викторинцев были переданы монастырю Сент-Женевьев. В 1148 г. папа Евгений III, недовольный плохой дисциплиной обитавших там секулярных каноников, заменил их двадцатью уставными канониками, переведенными из аббатства Сен-Виктор. Только таким образом притязания аббата Сент-Женевьев на руководство школами Левого берега получают в газах Паскье некую легитимность, значительно уступающую, однако, силе авторитета канцлера Парижской церкви[16].

Когда же и почему парижская школьная вольница обрела черты корпоративного устройства, без которого все разговоры об университете беспредметны? Для ответа на вопрос мы должны подробно проследить ход конфликтов первой трети XIII в.

1200–1208 гг.: ОТ КОРОЛЕВСКОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ДО ПАПСКОГО ПИСЬМА

Мир парижских школ во второй половине XII в. обладал многими чертами, которые впоследствии будут приписывать университетам. В этих школах сложилась устойчивая система преподавания, были определены содержательная и методическая части образования, сформировалась собственная система ценностей, стали понятны основные формы материального существования. Получил социальное признание новый тип человека, живущего умственным трудом. Такие люди образовывали социальную общность (ее члены общались друг с другом гораздо чаще и интенсивнее, чем с другими людьми). Помимо того что представителей этой среды объединяла своя субкультура, они были уверены в том, что обществу необходима реформа, и, в первую очередь, реформа основ школьной жизни. Словом, парижские школы к концу XII в. обладали почти всем тем, что будет отличать

15 Ibid. P. 807.

16 Ibid. P. 840.

университетский люд последующих столетий. Кроме одного — корпорации. Но зачем она им могла понадобиться? В Болонье клятвенные союзы студентов, изучавших право, помогали им отстаивать особый статус в случае конфликта с горожанами. В Париже, где и учителя, и ученики — в отличие от итальянских правоведов — были клириками, нужда в их дополнительном правовом обособлении не возникала. Каноническое право надежно защищало их от всяческого насилия. Неподсудность клириков светскому суду (*privilegium fori*) вселяла в школяров уверенность в безнаказанности и порождала у горожан ненависть к ним.

Папа Целестин III (1191–1198) со всей определенностью подтвердил право церковной защиты всех клириков, проживавших в Париже. Но в начале понтификата его преемника, Иннокентия III (1198–1216), их неприкосновенность была подвергнута серьезному испытанию.

В январе 1200 г. слуге одного из школяров, отправленному в кабачок за вином, нанесли там оскорбление. Когда об этом узнал его хозяин — архидьякон Льежского диоцеза, изучавший в Париже теологию, то он, сочтя, что оскорблен его высокий сан, со своими земляками учинил в кабачке разгром. Возмущенные горожане обратились к королевскому прево. Во главе отряда вооруженных парижан прево взял штурмом дом, который снимали немецкие студенты, в ходе чего погибли пять человек, включая и льежского архидьякона.

Школяры и магистры жаждали мести, грозили покинуть город, но вмешался король Филипп II Август. Он повелел провести расследование и наказать виновных, хотя прево отрицал свою вину. Итогом разбирательства стал знаменитый ордонанс, составленный в июне 1200 г. Для будущей безопасности студентов парижские буржуа обязывались брать школяров, павших жертвой несправедливости, под свою защиту, а королевскому прево и его людям в случае преступления, совершенного школяром, надлежало немедленно передать виновного в руки церковного правосудия. Каждый новый королевский прево Парижа, вступая в должность, в соборе Нотр-Дам в присутствии школяров должен был поклясться в том, что будет соблюдать данные условия[17]. Несмотря

[17] CUP. T. I. No. 1. P. 59–60.

на то что во множестве энциклопедий 1200 год помечен как «основание Парижского университета королем», ни о каком университете речи не шло, важным был лишь тот факт, что школяры и магистры в глазах королевской власти впервые оказались выделены из общей массы клириков. Можно лишь предполагать, что раз недостроенный в ту пору собор вряд ли мог вместить всех магистров и их студентов, то на церемонию принесения клятвы явились, по-видимому, их представители, что указывает на наличие некоего объединения, способного выбрать своих делегатов.

Об этом событии рассказывают все, кто пишет о рождении Парижского университета. Но почти никто не задается очевидными вопросами:

1. Почему королю именно в 1200 г. потребовалось вновь возвращаться к, казалось бы, давно решенному вопросу о *privilegium fori*?

2. Почему ничего не сказано о роли Парижского епископа — «естественного» судьи и руководителя школяров и магистров? И почему в данном случае он сам не вступился за обиженных школяров?

3. Почему королевский прево открыто организует штурм дома школяров, а затем упорно отрицает свою вину?

Ответы следует искать в общем историческом контексте, как глобальном, так и локальном. Недавно занявший Святой престол папа Иннокений III в 1199 г. наложил интердикт на Французское королевство за отказ Филиппа II Августа примириться с законной супругой. Многие прелаты, верные королю, не согласились с папским решением, но Парижский епископ Эд де Сюлли, проявив твердость, поддержал папский интердикт, покинул Париж и укрылся в Бурже. Разгневанный король конфисковал имущество епископа, а горожане, воспользовавшись королевским попустительством, разграбили епископский дворец. Уехавший из города епископ оставил парижских клириков без защиты. Получалось, что раз папа останавливает все богослужения в городе, то он останавливает и действие своих привилегий. Поскольку разграбление дворца епископа, «изменившего» королю, осталось безнаказанным, то в глазах парижского прево вполне оправданным было и применение силы против смутьянов-школяров.

Точно по такому же сценарию будут развиваться события 1209 г. в Оксфорде. Интердикт, наложенный годом ранее

тем же Иннокентием III на Англию, привел к тому, что конфликт с горожанами закончился расправой со студентами и прекращением занятий в Оксфорде[18].

Но документ 1200 г. составлялся тогда, когда король, хотя и искал уже пути примирения с церковью, все же пытался наладить механизм разрешения конфликтов без непосредственного участия епископа и его канцлера, апеллируя то к абстрактным «церковным судьям», то непосредственно к школярам и магистрам, делая тем самым шаг к их оформлению в качестве особой группы. Это не означает, что король собирался покровительствовать нарождавшемуся университету, но объясняет, что́ могло послужить конкретным поводом для создания нового прецедента — некой правовой обособленности магистров и учеников парижских школ.

Для того чтобы это гипотетическое сообщество обрело реальные контуры и структуру, были нужны целенаправленные усилия вполне конкретных людей. В конце XII в. многие теологи обличали пороки школярской жизни, как правило, противопоставляя ей идеалы общины монахов или каноников. В этом хоре можно выделить голос упомянутого в предыдущей главе Стефана де Турне, аббата Сент-Женевьев в 1176–1192 гг. Он был знатоком канонического права, учился в Болонье у самого Грациана. Став аббатом, Стефан оказался в эпицентре парижской школьной жизни. С начала XII в. земли, принадлежавшие аббатству Сент-Женевьев, были выведены из-под духовной власти Парижского епископа и его канцлера. Всем желающим было разрешено открывать школы на землях аббатства (первым в этом ряду был еще Абеляр). Сохранилось немало писем, в которых Стефан ходатайствовал за учащихся, хлопотал о выделении бенефициев талантливым магистрам, пытался уладить конфликты между школярами и жителями бурга Сен-Жермен-де-Пре[19].

Активный участник движения за церковную реформу, Стефан во многом сходился с теологами. Но если моралисты продолжали увещевать школяров и магистров в надежде,

---

18 *Southern R.W.* From Schools to University // The History of the University of Oxford / Ed. by T.H. Aston. Vol. 1. The Early Oxford Schools / Ed. by J.I. Catto, R. Evans. Oxford, 1984. P. 1–36.

19 *Gaulle J., de.* Nouvelle histoire de Paris et de ses environs. Paris, 1839. Vol. 1. P. 492.

что те встанут на стезю исправления, то Стефан обратился непосредственно в Рим. Уже став епископом Турне (после 1192 г.), он написал свое знаменитое послание папе о парижских школах. Видимо, обратился он именно к Иннокентию III[20], хорошо ему знакомому по парижским школам, где будущий понтифик учился и преподавал. Таким образом, письмо, скорее всего, было написано между 1198 и 1203 гг. (дата смерти Стефана). Епископ сравнивает ситуацию в парижских школах с незаметно подкрадывавшейся болезнью, «чьи признаки, если не бороться с ними вначале, станут совершенно неизлечимыми в конце». Далее автор указывает на три главные беды парижских школ:

— беспорядок в изучении Священного Писания: неконтролируемый рост богословских школ, приманивавших учеников сомнительными новшествами и публичным диспутами о догматах веры, был чреват распространением ересей;

— беспорядок в изучении канонического права, обросшего «дремучим лесом декреталий», которые ставятся выше канона, т.е. выше «Декрета» Грациана. По мнению епископа, множившиеся сборники декреталий лишь затрудняли изучение и применение права.

— беспорядок в преподавании «свободных искусств»: «Безбородая юность сидит на месте старых наставников, а те, кто еще не уразумел, как быть учениками, прилагают усилия, чтобы называться учителями. <...> Пренебрегая правилами изучения искусств и отбрасывая подлинные книги мастеров, они затягивают мух пустословия в паутину своих софизмов»[21].

Перечислив бедствия парижских школ, Стефан переносит разговор в практическую плоскость и предлагает от слов перейти к делам. «Все эти дела, отче, нуждаются в апостольском вмешательстве и исправлении, беспорядок в учении, обучении и диспутах должен быть уничтожен вашей властью». Похоже, что призыв епископа Стефана де Турне не стал гласом вопиющего в пустыне.

---

[20] С престарелым Целестином III у Стефана были сложные отношения: у папы имелась другая кандидатура на пост епископа Турне, но на избрании Стефана настоял король.

[21] CUP. T. I. No. 47. P. 47–48.

В 1207 г. папа предписал Парижскому епископу сократить число преподавателей теологии до восьми, чтобы лучше контролировать процесс преподавания[22]. Полностью воплотить в жизнь это предписание, судя по всему, не удалось, но тенденция была обозначена. С 1210 г. начинаются инквизиционные процессы против парижских магистров, заподозренных в ереси; под контроль берется и содержание образования. Принимались меры и по уменьшению числа декреталий, и по увеличению минимального возраста допуска к преподаванию.

Рост внимания к парижским школам нашел отражение в постановлении епископа и капитула Парижа (1207). Согласно этому документу, канцлер собора Нотр-Дам должен был приносить клятву в том, что будет проживать в Париже все время, пока занимает эту должность[23], осуществляя неусыпный надзор за парижскими школами и выдавая лиценции студентам, число которых сильно возросло.

Епископ Эд де Сюлли следовал намерениям папы установить более плотный контроль над клиром всего диоцеза: парижским клирикам грозило отлучение за отказ носить тонзуру и соответствующее облачение, за нарушение целибата, за ношение оружия, а также за грех симонии, причем процедура снятия этого отлучения требовала участия Рима. Но школяры вновь, как и в 1200 г., обособлялись от прочего духовенства. Если вышеуказанные прегрешения свершались школярами, то сначала их должен был вразумить магистр, у которого они учились, и, только если это не помогало, они подлежали епископскому отлучению[24]. По сути, это распоряжение подтверждало традиционную ответственность магистра за своих учеников. Более интересным было то, что епископу давалось право, не ожидая папского разрешения, самому снять отлучение со школяра по просьбе аббата Сен-Виктор. Епископ Эд де Сюлли подтвердил права пенитенциария аббатства отпускать грехи студентам, а распоряжение легата Галлона, выданное в 1208 г. и подтвержденное Иннокентием III в 1212 г., давало право аббату

---

22 CUP. T. I. No. 5. P. 65.

23 CUP. T. I. No. 6. P. 65–66.

24 CUP. T. I. No. 7. P. 66.

Сен-Виктор снимать отлучение со студентов[25]. Но эти решения лежали в традиционном русле, они были лишь несколько усилены форс-мажорной ситуацией все увеличивающегося потока студентов.

Принципиально новые сведения содержались в папском послании “Ex litteris vestre”, датированном то ли январем 1208 г., то ли началом следующего, 1209 года. Послание было посвящено разбору конфликта в парижских школах[26]. Магистры теологии, канонического права и «свободных искусств», озабоченные тем, что старые обычаи плохо соблюдаются новыми преподавателями искусств (*moderni doctors atrium*), избрали комиссию в составе восьми человек. Комиссия (*consortium*) составила регламенты, касавшиеся обучения, одежды магистров и организации похорон умерших коллег. Затем все магистры поклялись в том, что будут выполнять указанные требования. Но некий магистр Г. отказался принести присягу, несмотря на то что «объединение магистров» (*universitas magistrorum*) троекратно вызывало его на суд. Позже он изменил свое решение и выразил желание быть включенным в это сообщество (*societas*). Однако его отказались принять, поскольку одобренные статуты сообщества не предусматривали процедуры восстановления «извергнутых членов». Через своего представителя магистры обратились в Рим: имеют ли они достаточно власти изменять то, что уже было скреплено их клятвой, ведь освобождать от присяги мог только папа? Иннокентий III принял компромиссное решение: «Магистр Г., уплатив штраф за свое упорство, может быть вновь принят в товарищество магистров (*consortium in magistralibus*) их собственной властью».

Это папское письмо считают первым упоминанием о существовании университета в Париже, точнее — ядра той корпорации, из которой он вырастет. Имелась корпоративная структура, разделение на факультеты, выборные представители (в данном случае — «прокурор», отстаивавший интересы

---

25 *Longère J.* La fonction pastorale de Saint-Victor à la fin du XIIe siècle et au début du XIIIe siècle // L’Abbaye de Saint-Victor au Moyen Âge. Communications présentées au XIIIe Colloque d’humanisme médiéval de Paris (1986–1988) / Éd. par J. Longère. Paris, 1991. P. 291–313 (здесь: P. 304); *Gorochov N.* Naissance de l’Université… P. 221.

26 CUP. T. I. No. 8. P. 67–68.

магистров перед папой) и, главное, сам термин «университет», впервые примененный к организации магистров.

Благодушие церковных властей и его причины

Впрочем, термин "*universitas*", употребляемый наряду с прочими, имеет здесь чисто технический характер, указывая на особый тип организации — сообщество, основанное на взаимной присяге, — "*conjuratio*". Такой тип связи предполагал принципиальное равноправие его участников вне зависимости от происхождения и прежнего статуса. Каноническое право работало над осмыслением этих сообществ, но лишь к середине XIII в. будет сформулировано понятие, соответствующее современному термину «юридическое лицо». Достаточно часто власти воспринимали *conjurationes* как *conspirationes* — объединения заговорщиков, незаконные союзы, направленные во вред другим, внушенные не Святым Духом, но дьяволом[27]. В данном случае Иннокентий III вполне благодушно отнесся к появлению «университета магистров», однако его вряд ли можно назвать инициатором его создания. Просто ни папа, ни епископ, ни канцлер[28] не выступили против новой организации.

Чем вызвана такая нейтральная или даже позитивная реакция церковных властей? И какие события произошли в Париже между 1200 и 1208 гг., побудив магистров заключить взаимный клятвенный союз, без которого они прекрасно обходились на протяжении всего предыдущего столетия?

Необходимость противостоять горожанам, согласно духу королевской хартии 1200 г.? Вряд ли. Ведь тогда речь шла

---

[27] Согласно более позднему и не вполне достоверному свидетельству, заимствованному из письма папы Гонория III (1219), парижские школяры уже в 1201 г. организовали клятвенный союз, который был осужден папским легатом. Эта информация, всплывшая во время открытого конфликта епископа с университетом, не подтверждена другими источниками. Примечательно, что этот союз именуется как раз "*conspiratio*" и "*conjuratio*". См.: CUP. T. I. No. 30. P. 88).

[28] Канцлер Превостен Кремонский сам был крупнейшим теологом и почти наверняка принимал участие в работе комиссии, составлявшей устав.

бы об организации магистров и студентов, а в письме Иннокентия III описывается именно союз магистров, никак не направленный на защиту от горожан. Тогда, может быть, речь идет об общем ассоциативном движении, охватившем латинский Запад? Отчасти да, и зародившаяся парижская корпорация по своим функциям совпадает с подобными объединениями. «Университет магистров» был одновременно и религиозным братством, имевшим благочестивые цели — совместные моления за души усопших собратьев, чтобы облегчить им путь ко спасению. В уставах братств и гильдий часто оговаривалась и форма одежды, коль скоро принцип равенства предусматривал единый статус: никто не должен был кичиться былыми отличиями. Наконец, важнейшей функцией подобных объединений было поддержание мира между своими членами. А для этого надо было договориться о том, как избегать конфликтов, чтобы вместе отстаивать свои права против чужаков. Это объясняет содержание статей первых университетских уставов, но не отвечает на вопрос: почему же они возникли именно в этот период?

Одно из объяснений, совсем простое, было уже названо в предыдущей главе. Магистров и студентов стало слишком много. Париж времен Филиппа II Августа обрел статус столицы быстро набиравшего силы королевства. Некоторые авторы допускают, что число студентов и магистров в Париже резко возросло за счет беженцев из Англии из-за папского интердикта, наложенного на эту страну в марте 1208 г. Исход студентов и магистров из Оксфорда на континент начался уже тогда и был лишь ускорен инцидентом 1209 г. Поэтому незнание новыми магистрами парижских обычаев и странное упорство магистра Г. могли быть вызваны тем, что английские магистры, прибыв в Париж недавно, не были знакомы с местными порядками. Для них-то и могла понадобиться спешная кодификация неписаных обычаев парижских школ. Но если исходить из датировки письма Иннокентия III январем 1208 г., эта гипотеза плохо подходит, ведь в 1207 г. наплыв английских эмигрантов еще не мог достичь критического уровня.

Нельзя сбрасывать со счетов воздействие опыта болонских школ. Долгое время главной организационной формой их функционирования были *societates* — группы учеников, заключившие договоры с учителем. В итальянских

учебниках для нотариусов часто встречаются образцы такого рода соглашений. С 1189 г. коммуна начала брать с докторов клятву в том, что они не будут преподавать нигде, кроме Болоньи[29]. «Привязав» к своему городу докторов, власти сокращали возможность для протеста студентов в случае недовольства условиями, сложившимися в Болонье. Этот нажим со стороны городских властей в качестве ответной реакции мог способствовать укреплению студенческих землячеств в виде братств. Они, вероятно, существовали с середины XII в., но первое упоминание о «братстве заальпийских студентов» (*confratria scholarium ultramontanorum*) относится к 1195 г.[30] Землячества-«нации», именуемые также «университетами», защищали интересы студентов, добивались таксации цен на аренду жилья, сообща выступали против притеснений. Так, в 1204 г. группа студентов, недовольных действиями городских властей, избрала своего ректора, сформулировала принципы взаимодействия и покинула Болонью, переселившись в Виченцу.

Большинство юристов, преподававших в Париже, имели опыт пребывания в Болонье и, участвуя в оформлении «университетов», были способны ускорить формирование корпорации в Париже.

Исследователи часто говорят о влиянии гильдейских торговых и ремесленных организаций, которые могли стать для магистров и студентов примером для подражания. Это столь же трудно оспорить, сколь и подтвердить. Мир парижских ремесленников порой интересовал магистров[31], но интерес к устройству городских корпораций не зафиксирован.

---

29 *Fasoli G.* Per la storia dell Università di Bologna nel medio evo: Dalle lezioni tenute alla Facoltà di Magistero nell'anno academico 1669–1670. Bologna, 1970. P. 101.

30 Оригинал этого документа, упомянутого в исследовании А. Хесселя (*Hessel A.* Geschichte der Stadt Bologna von 1116 bis 1280. Berlin, 1965. S. 416. (Historische Studien. Bd. 76)), был утерян во время Второй мировой войны.

31 См., например, «Словарь для пользы клирков», составленный парижским грамматиком Иоанном Гарландом в первой трети XIII в., с пространным описанием парижских ремесел — The Dictionarius of John de Garland and the author's commentary / Trans. by B.B. Rubin. Lawrence (Kanzas), 1981.

Скорее магистров мог вдохновить гораздо более близкий им пример формирования клятвенных церковных корпораций, в особенности объединений каноников.

Если же искать причины лояльности церковных властей к новой *conjuratio*, то нельзя не упомянуть об угрозе распространения еретических учений в среде парижских магистров и студентов.

Хронист Гийом ле Бретон повествует о судьбе Амори Бенского, магистра-логика, изучавшего в начале XIII в. логику и Священное Писание. Его учение было признано спорным, и он обратился к папе, который вынес решение не в его пользу. Вернувшись в Париж, Амори «был принужден университетом отказаться от своего мнения»[32]. Пережив унижение, магистр заболел и вскоре умер. Но выяснилось, что у него было немало учеников, образовавших целую секту.

Смерть Амори Бенского относится к 1206 г. Хронист писал об этом лет десять спустя, когда создание университета в Париже стало свершившимся фактом, поэтому его свидетельство нельзя считать точным указанием на рождение университетской корпорации до 1206 г. Но важно, что термин «университет» был применен хронистом в значении организации, осуществлявшей надзорные функции. Это как нельзя лучше соответствовало духу и букве письма Стефана де Турне, который предупреждал понтифика об опасностях профанации догматов и об умножении заблуждений в вере. Парижских магистров и раньше принуждали отрекаться от ошибочных взглядов, но тогда критика шла извне, теперь же еретика в своей среде изобличали сами магистры, решившие объединиться. По всей видимости, дело Амори Бенского одновременно и ускорило оформление корпорации, и обеспечило ей поддержку церковных властей.

Ситуацию в парижских школах надо было брать под контроль, а ничего эффективнее внутрикорпоративного контроля Средневековье не знало.

Комиссия, рассматривавшая учение Амори и взгляды его учеников, была составлена из парижских теологов. Собравшийся в 1210 г. в Париже собор посмертно отлучил Амори

---

[32] *Baldwin J.W.* Philippe Auguste et son gouvernement. Paris, 1991. P. 343–344.

от Церкви, многие из его учеников были переданы светскому правосудию и казнены через сожжение. Тот же собор осудил учение и другого парижского магистра — Давида Динантского, умершего годом ранее. Его учение, опиравшееся на лишь недавно переведенные труды Аристотеля, показалось крайне опасным. Книги Давида Динантского сожгли, также был наложен запрет на публичное чтение сочинений Аристотеля по философии природы и комментариев к ним[33].

Итак, едва оформившись, корпорация магистров продемонстрировала свою эффективность в борьбе с опасными учениями. Нельзя говорить, что эта функция была навязана университету некой абстрактной внешней силой. Университет первым распознал угрозу в своих рядах, из университетских теологов полностью состояла следственная комиссия, да и возглавлявшие работу собора Пьер де Корбей, архиепископ Санса, и Пьер де Немур, епископ Парижа, в прошлом были парижскими магистрами, как, впрочем, и папа Иннокентий III[34].

1209–1215 гг.: КОНФЛИКТ С КАНЦЛЕРОМ И ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВОГО УСТАВА

Конфликт молодой университетской корпорации и местных церковных властей не заставил себя ждать. Летом 1208 г. умер епископ Эд де Сюлли, возглавлявший Парижскую кафедру на протяжении 12 лет, чрезвычайно значимых для возникновения университетской корпорации. Через год скончался канцлер Превостен Кремонский, занимавший эту должность с 1206 г., но ранее в течение нескольких десятков

---

[33] CUP. T. I. No. 11. P. 70–72. Давид Динантский, впрочем, не был посмертно отлучен от Церкви; по-видимому, он все же не выходил за рамки своей дисциплины — диалектики — и не пытался применять свои выводы в богословии.

[34] Антуан Луазель, повторяя Паскье, сравнивал университет с Гераклом, совершившим 12 подвигов во спасение христианского мира от чудовищ — ересей, среди которых была и ересь Амори Бенского. См.: *Loisel A*. De l'Université de Paris et qu'elle est plus ecclesiastique que seculaire. Paris, 1587. Fol. 27v–28.

лет преподававший в Париже теологию, человек, которого сообщество магистров резонно считало «своим». Новый Парижский епископ Пьер де Немур и новый канцлер Жан де Шанделе (Иоанн Канделис) были для магистров людьми «чужими»[35]. Но главное заключалось в том, что мир парижских школ кардинально изменился. Вскоре после 1210 г. магистры пожаловались папе на то, что новый канцлер Парижской церкви взимает плату за выдачу лиценций, требует у соискателей присяги на верность, а за малейшие нарушения сажает магистров в свою новую тюрьму.

Письмо Иннокентия III, датированное январем 1212 г., отражает возмущение понтифика, ведь в то время, когда он учился и преподавал в парижских школах, ничего подобного там не наблюдалось[36]. Как мы знаем, *licentia docendi* в Париже не выдавалась бесплатно еще со времен Петра Комместора; речь, вероятно, шла о каком-то существенном повышении платы. Тюрьма у канцлера появилась сравнительно недавно, а присяги с магистров ранее не требовалось, поскольку соискатели в силу духовного звания и занятий и без того были подвластны канцлеру. Теперь же появилась корпорация магистров, и одну присягу (друг другу) они уже принесли. К тому же некоторые магистры получали свои лиценции еще у аббата Сент-Женевьев. Но и канцлеру, хотя бы в силу возложенных на него расширенных обязанностей, нужен был действенный инструмент управления, и им могла быть только присяга. Канцлеру было трудно смириться с тем, что из его компетенции оказался исключен обширный круг вопросов, что новая корпорация присягает на верность не ему, а своим же членам и что она, нарушая субординацию, апеллирует сразу к Риму. Можно предположить, что требование присяги с соискателей лиценции было направлено против «университета магистров». Будучи не в силах бороться с магистрами, уже создавшими клятвенный союз, который был признан папой, канцлер надеялся связать клятвой верности молодых лиценциатов, отрезав таким образом корпорацию магистров от пополнения, ведь присягу можно было приносить лишь один раз. Это лишь гипотеза, но то, что именно

---

35 На этом настаивают Дж.У. Болдуин и Н. Горошов.

36 CUP. T. I. No. 14. P. 73.

присяга являлась важнейшим условием существования университета, показывает его будущее развитие.

В этом конфликте Иннокентий III назначил третейского судью — епископа Труа. Со стороны канцлера и со стороны магистров были назначены по три члена арбитражной комиссии, вступившие между собой в затяжные переговоры. Лишь в августе 1213 г. епископ Пьер де Немур огласил результаты достигнутого соглашения. Канцлеру запрещалось требовать присягу от соискателей лиценции, взимать с них плату и прибегать к аресту школяров и магистров без должного на то основания. Самое главное, что канцлер должен был выдавать лиценции либо при участии всех преподавателей (теологов или юристов), либо, если речь шла о лиценции на преподавание «свободных искусств», при участии комиссии из представителей «артистов», избираемых на полгода[37].

О полной победе университета говорить пока нельзя. Канцлер продолжал брать деньги. Уже в 1215 г. Иннокентий III убеждал нового парижского канцлера несколько снизить плату за выдачу лиценций. Канцлеры не оставили попыток восстановить власть над парижскими магистрами и студентами до самого XVI века. Но все же значение соглашения 1213 г. трудно переоценить. Корпорация обрела два важнейших свойства, которые и по сей день отличают университетскую систему: во-первых, саморекрутирование — только университет посредством своих представителей решает, кого принимать в свои ряды; во-вторых, способность (пусть даже и под эгидой канцлера) присваивать ученые степени, наделявшие человека новым социальным качеством; *licentia docendi* и была первой такой степенью. Эти достижения нашли отражение в первом дошедшем до нас университетском уставе, принятом папским легатом Робером де Курсоном.

Робер де Курсон, один из самых плодовитых учеников Петра Кантора, отдал двадцать лет преподаванию теологии в парижских школах. Трудно усомниться в том, что он принимал участие в составлении уставов, известных из папского письма 1208 г. Робер де Курсон играл активную роль в следственной комиссии 1210 г. Папа Иннокентий III, прекрасно знавший теолога еще по своей парижской жизни,

---

37 CUP. T. I. No. 16. P. 75.

в конце 1212 г. вызвал его в Рим и возвел в достоинство кардинала, чтобы назначить затем своим легатом во Францию. Людям, хорошо знакомым по университету, папа склонен был доверять больше других (собственно, конфликт с королем Англии, приведший к интердикту, был вызван именно тем, что в 1207 г. на архиепископскую кафедру Кентербери папа возвел кардинала Стефана Лангтона, еще одного теолога из числа учеников Петра Кантора). На Робера де Курсона была возложена миссия реформировать французское духовенство в ожидании Вселенского собора, призванного, по мысли папы, завершить реформу Церкви и всего христианского общества. Деятельность этого легата во Франции была кипучей, хотя и не очень эффективной. Однако он преуспел в том, что в августе 1215 г. под его руководством был составлен и утвержден первый из дошедших до нас уставов парижских школ[38]. Термина «университет» в этом тексте мы не найдем, но никаких сомнений в существовании университетской корпорации уже не возникает.

Как явствует из преамбулы, легат действовал «по совету добрых людей» — опытных магистров — и не придумывал новых правил, но лишь свел воедино все, что ранее было решено в отношении парижских школ: первые статуты, составленные до 1208 г., решения Парижского собора 1210 г., результаты соглашения канцлера и магистров, достигнутого в 1213 г. В уставе определялся возрастной ценз для преподавания «свободных искусств» (не моложе 21 года) и теологии (не моложе 35 лет), перечислялся набор необходимых курсов, которые надо прослушать для получения лиценции. Повторялись запреты, сформулированные Парижским собором 1210 г.: запрет учения еретика Амори Бенского, запрет книг Давида Динантского, запрет на изучение «книг о природе» Аристотеля и комментариев к ним. Оговаривались время и формы проведения пирушек, устанавливалось допустимое и недопустимое в одежде, регламентировалось участие членов корпорации в похоронах умерших магистров и студентов, в чтении поминальных молитв — словом, имелось все то, что обычно входило в уставы религиозных братств и зарождавшихся ремесленных корпораций. Провозглашалась

38 CUP. T. I. No. 20. P. 78–79.

юрисдикция магистра над своими учениками, уточнялось, что никто не сможет больше считаться студентом, если не будет «приписан» к определенному учителю. Магистрам и студентам дозволялось заключать соглашения и скреплять их присягой в случаях убийства или увечья студента, жестокого беззакония, которое оставалось ненаказанным, при определении цен на квартиры, одежду, для организации похорон, а также для установления платы за лекции и диспуты[39].

В уставе не были упомянуты ни юристы, ни медики, ничего не говорилось об управлении корпорацией, нет сведений о ректоре, и — что весьма важно — неясно было, каков порядок выдачи лиценций и, следовательно, как будет пополняться корпорация, но все основные задачи университета оказались обозначены: взаимный контроль за содержанием образования, противостояние горожанам как в открытых конфликтах, так в борьбе за снижение платы за жилье.

1217–1227 гг.: НОВЫЙ ПОНТИФИК, НОВЫЙ КАНЦЛЕР И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Устав 1215 г. стал лишь вехой на пути становления университета. В 1217 г. канцлером стал Филипп Гревский, который возобновил борьбу за контроль над жизнью парижских школ. Заручившись поддержкой епископа, канцлер вновь начал сажать студентов и магистров в тюрьму, брать с них большие штрафы, вновь стал требовать принесения присяги. Если Жан де Шанделе мог считаться магистрами «чужим», то канцлер Филипп под это определение никак не подпадал: известный магистр теологии и не менее известный поэт. Следовательно, конфликт носил не столько личный, сколько «системный» характер. Магистры, действуя в соответствии с положениями устава, прекратили занятия, но канцлер и епископ, казалось, не знали ни о существовании устава, составленного

---

39 “Item facere possunt magistri et scolares tam per se quam cum aliis obligations et constitutions fide vel pena vel juramento vallatas in his casibus , scilicet in interfectione vel mutilation scolaris, vel in atroci injuria illata scolari, si defuerit justicia, pro taxandis pretiis hospitiorum, de habitu, de sepulture, de lectiouunibus et disputaionibus, ita tamenn, quod propter hec studiuum non dissalvatur aut destruatur” (CUP. T. I. No. 20. P. 78).

под руководством Робера де Курсона, ни о папском признании корпорации, отказывая магистрам в праве составлять и редактировать свои уставы. Парижские церковные власти апеллировали к постановлению папского легата Октавиана 1201 г., которым отлучались организаторы некой магистерской *conjuratio*. Но когда магистры потребовали от епископа показать эту грамоту, им было отказано. Конечно, нельзя исключать подлинность известий об этом инциденте 1201 г. Но он не укладывается в общую картину вполне лояльного отношения тогдашнего Парижского епископа Эда де Сюлли к объединению магистров.

Новый папа Гонорий III (1216–1227) не был столь тесно связан с миром парижских школ, как его предшественник[40], однако, назначив арбитра в этом споре, он на первом этапе поддержал университет. Но с конца 1219 г. ситуация изменилась. Папа запретил преподавание римского права в Париже, что имело судьбоносное значение для будущего развития Парижского университета[41]. Еще более важным был конфликт, связанный с выборами нового епископа. После смерти Пьера де Немура капитул выбрал известного парижского магистра Готье Корнута, но папа предпочел Гийома де Сейнелье, епископа Осерского. Эта кандидатура вызвала возмущение большинства парижан, а магистры и студенты вновь объявили забастовку. Новый епископ представил Гонорию III этот конфликт как следствие автономии университета. И на сей раз уже не канцлер, а епископ и за ним папа поставили под сомнение право университетской корпорации на существование.

В 1221 г. в жизни университета происходит еще одно немаловажное событие. Этим годом датируется первый документ, в котором термин «университет» появляется в качестве самоназвания: «Мы, университет парижских магистров

---

40 Он лишь подтвердил и расширил полномочия аббатства Сен-Виктор в отношении студентов.

41 На тот момент парижская школа цивилистов (специалистов по римскому, т.е. гражданскому, праву) влачила жалкое существование, но римское право продолжали преподавать в Париже примерно до середины XIII в. См.: *Giordanengo G.* Résistance intellectuelles autour de la décrétale Super Speculam (1219) // Histoire et société. Mélanges offerts à Georges Duby. Aix en Provence, 1992. Vol. III: Le moine, le clerc et le prince. P. 141–155.

и студентов». Это было обращение университета к монахам доминиканского ордена.

Тем временем университет сделал очередной шаг к укреплению своего статуса — появляются упоминания об университетской печати. Об этом мы узнаем из буллы Гонория III, датированной тем же, 1221 годом, в которой тоже употреблялся термин «университет магистров и студентов». Печать была обретена без санкции церковных властей, и епископ видел в этом узурпацию прав ординарного правосудия — суда епископа и капитула. К тому же епископ и канцлер лишались немалого дохода — взимания платы за приложение печати. Для разрешения конфликта несколько раз назначались делегированные судьи. По-видимому, отправленной в Рим делегации магистров удалось немного смягчить позицию Гонория III. Решение, вынесенное папой в конце 1222 г., носило компромиссный характер. Канцлеру запрещалось отлучать студентов от Церкви, требовать от них присяги на верность, присваивать имущество умерших студентов и магистров и — что представляется немаловажным — запрещалось третировать тех, кто получил лиценции от аббата на холме св. Женевьевы. Кстати, последним распоряжением этого папы, относящимся к Парижу, станет датированное 1227 годом предписание канцлеру признать право выдачи лиценций в «свободных искусствах» за аббатством Сент-Женевьев[42]. Но право учебной забастовки за студентами не признавалось, папа пытался помешать и образованию «наций», запрещались клятвы земляков о взаимопомощи для возмездия за обиды. Понтифик также запретил магистрам препятствовать своим студентам посещать аббатство Сен-Виктор, чтобы там исповедоваться и принимать участие в похоронах[43] (магистры, по-видимому, опасались, что студенты решат вступить в общину викторинских каноников). В этом Гонорий III возвращался к распоряжению своего предшественника. Но главное — университетскую печать надлежало незамедлительно уничтожить.

Это было исполнено лишь через несколько лет, в 1225 г. Прибывший в Париж папский легат Роман де Сент-Анж публично разбил печать и предал анафеме тех, кто ее изготовил.

---

42 CUP. T. I. No. 55. P. 111.

43 Ibid. P. 103.

Толпа возмущенных этим магистров и студентов, вооружившись мечами и палками, вынудила легата и его слуг запереться в своей резиденции и осадила ее. И только спешно прибывший отряд королевских рыцарей вывел легата из Парижа. Оказавшись в безопасности, легат отлучил мятежников от Церкви. Месяц спустя восемьдесят магистров явились в Бурж, где под руководством легата заседал собор, и просили снять отлучение, на что Роман де Сент-Анж в конце концов согласился[44]. Наступило затишье.

1229–1231 гг.: НА ПУТИ К «ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (БУЛЛА "PARENS SCIENTIARUM")

1229 год принес университету сильнейшее потрясение. В разгар карнавала студенты университета повздорили с виноторговцем из предместья Сен-Марсель. Сбежавшиеся подмастерья побили студентов. На другой день толпа школяров явилась в предместье, громя лавки и избивая всех, кто попадался на пути. Горожане подали жалобу Бланке Кастильской, матери малолетнего Людовика IX. Королева велела парижскому прево наказать школяров. Тот собрал стражников и обрушился на студентов, гулявших на Пре-о-Клер. В ходе побоища многие были ранены, а два студента знатного происхождения убиты. Никакого отношения к тому, что произошло в предместье Сен-Марсель, пострадавшие не имели. Университет потребовал наказать виновных, ведь привилегии парижских школяров, подтвержденные королем в 1200 г., были нарушены должностным лицом. Однако регентша Бланка Кастильская не выдала своего прево.

Корпоративная солидарность дала о себе знать[45]: верные данной друг другу клятве, студенты и магистры объявили

---

44 *Gorochov N.* Naissance de l'Université... P. 260.

45 Исключение составляли магистры из нищенствующих орденов, совсем недавно прибывшие в Париж и открывшие свои коллегиумы. Тогда в пылу страстей на нежелание мендикантов примкнуть к сецессии обратили не много внимания, но это поведение им припомнят десять лет спустя.

о прекращении занятий и покинули Париж. Их приняли в других городах — Анжере, Пуатье, в новообразованном Тулузском университете, приглашали в Оксфорд. Эхо конфликта 1229 г. отозвалось далеко за городскими стенами.

Папа Григорий IX (1227–1241), в прошлом учившийся в парижских школах, взял студентов под свою защиту, высказав неудовольствие епископу: «...ты не довольствовался тем, что пренебрегал своими обязанностями, но, согласно сведениям заслуживающих доверия людей, своими махинациями сам способствовал тому, чтобы поток преподавания “свободных искусств”, по милости Святого Духа орошавший и оплодотворявший рай Вселенской церкви, иссяк в самом своем источнике, т.е. в городе Париже, где доселе он бил, не переставая. Но затем это преподавание оказалось разбросанным по разным местам и сошло на нет подобно тому, как иссыхает разделившийся на многие рукава поток»[46].

Обратим внимание на указанную понтификом связь концентрации интеллектуальных сил с нормальным функционированием науки и образования. Это — пусть и запоздалое, но в высшей степени авторитетное признание Церковью городской формы интеллектуализма.

Для прекращения конфликта папа создал комиссию во главе с известным богословом Гийомом Осерским, да и Парижский епископ внял папской критике и способствовал возвращению университета, убедив молодого короля Людовика IX дать необходимые гарантии магистрам и студентам.

В 1231 г. Университет Парижа возобновил свои занятия. 13 апреля того же года папа Григорий IX выпустил буллу “Parens scientiarum”, которую историки называют «Великой хартией вольностей Парижского университета». Булла затрагивала самую сердцевину университетской системы — присвоение степеней. Новый канцлер при вступлении в должность должен был в присутствии епископа, капитула и двух магистров, представлявших университет, принести клятву в том, что никому, кроме самых достойных, не будет выдана лицензия и что при этом будет учитываться мнение представителей университета. Канцлеру отводилось три месяца на то, чтобы

---

46 CUP. T. I. No. 69. P. 125–126; *Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Âge. Paris, 1957. P. 61.

при помощи магистров «провести тщательное расследование о жизни испытуемого, познаниях, возможностях и других вещах, которые изучают в подобных обстоятельствах».

В отличие от устава 1215 г. в тексте буллы детализация отсутствовала: университету предоставлялось право саморегулирования, право издавать распоряжения о способах и времени чтения лекций и проведения диспутов, о внешнем виде, об организации похорон, а также о времени и предмете лекций бакалавров и об арендной плате за квартиры. Вот и еще одно новшество — впервые были упомянуты бакалавры, еще не магистры, но уже допущенные к преподаванию. На самом высшем — папском — уровне были подтверждены права университета в случае конфликта с горожанами по истечении двух недель со времени подачи жалобы начать забастовку, а в случае незаконного ареста магистра или школяра приостанавливать занятия немедленно. За епископом сохранялось право наказывать преступления школяров, но оговаривалось, что канцлер не имеет права иметь собственную тюрьму. Школярам же запрещалось носить оружие, а университету предписывалось не брать смутьянов под свою защиту. Повторялись запреты изучать «книги о природе» Аристотеля и употреблять на теологических диспутах вернакулярное наречие, дабы не открывать тайны богословия мирянам[47].

Событиями 1231 г. историки обычно заканчивают рассказ о создании университетской корпорации. Конечно, в течение всего XIII века станут вноситься изменения, и к 1255 г. полномочия между канцлером и аббатом Сент-Женевьев будут распределены окончательно: лиценции по теологии, каноническому праву и медицине должен выдавать канцлер, а по «свободным искусствам» — аббат. В 1245 г. университет вновь обзаведется печатью и уже вполне определенно будет состоять из землячеств-«наций». Во второй половине XIII в. именно ректор — глава факультета искусств, избираемый поочередно от каждой «нации», — станет главой университета. Будет отлажена факультетская структура. Но главное было достигнуто к 1231 г., когда университет стал автономной корпорацией, определявшей и программы, и порядок присуждения степеней, т.е. «права преподавать повсюду».

---

47 CUP. T. I. No. 79. P. 136–139.

Уроки парижского казуса: слагаемые успеха и трудности генерализации

Тому, как складывался университет, было выдвинуто много объяснений; каждое из них справедливо, но недостаточно. Можем ли мы внести нечто новое в устоявшийся набор интерпретаций? Думается, что помочь нам в этом может возвращение к истокам университетской историографии. Вспомним, насколько важным для Этена Паскье был именно территориальный аспект возникновения университета и самых первых моментов его истории. Неожиданным образом это созвучно с новейшими подходами исторической урбанистики. Достаточно вспомнить исследование Элен Нуазе, о котором речь шла в первой части нашей книги. Напомню, что, с ее точки зрения, «ранний», многополярный город задает разные типы организации городской жизни, которые найдут отражение в урбанистической морфологии последующих эпох. Так, Нуазе смогла проследить влияние различий между такими полюсами городского пространства, как общины секулярных каноников, с одной стороны, и общины монастырей и регулярных каноников — с другой[48].

Исследователи истории Парижского университета иногда обращают внимание на точное хронологическое совпадение рождения корпорации со сроками возведения стены Филиппа-Августа, опоясавшей кварталы Левого берега в 1200–1215 гг.[49] Но это обстоятельство приводится ими, в основном, с целью показать бурный рост Парижа, и в частности высокие темпы застройки Левого берега. С этим положением трудно спорить, но были и иные последствия. Строительство стен еще не закончились, но магистры, преподававшие на холме Св. Женевьевы и в кварталах, разбитых на месте бывших виноградников — Кло Брюно и Кло Гарланд (некогда подаренных аббатству Сент-Женевьев), вдруг обнаружили, что их школы оказались объединенными и с теми школами, что узкой лентой протянулись вдоль Сены, и с теми,

---

48 *Noizet H.* Germain, Victor, Martin et les autres morphologie urbaine et pratiques socio-ecclésiastiques à Paris aux IXe–XIIe siècles et au XIXe siècle // L'Espace géographique. 2012. T. 41. No. 4. P. 324–339.

49 *Gorochov N.* Naissance de l'Université… P. 252; *Baldwin J.W.* Paris 1200. Paris, 2006. P. 43–48.

что располагались в Сите и на Малом мосту. А ведь ранее они находились в разных населенных пунктах! Зато аббатство Сен-Виктор оказалось по ту сторону городских стен. Может быть, потому-то Иннокентию III и Гоннорию III и понадобилось напоминать об особых правах аббата Сен-Виктор и его пенитенциария по отношению к студентам, что теперь эти права стали не столь очевидны?

И еще одно обстоятельство. Епископ Эд де Сюлли, отличавшийся административным рвением и опиравшийся на поддержку Иннокентия III, благодарного ему за стойкость во время интердикта 1200 г., сумел восстановить власть над монастырями и коллегиалами, ранее пользовавшимися особыми правами. Для нас исключительно важно, что в начале XIII в. епископ вернул себе власть над аббатством Сент-Женевьев. С 1107 г. аббат этого монастыря носил митру, подчинялся непосредственно Святому престолу и пользовался полной независимостью от Парижского епископа[50]. Эду де Сюлли удалось вновь взять под контроль Левый берег. Это, кстати, вызвало необходимость внести коррективы в церковно-административное устройство диоцеза. Если прежде руководство церковными службами в Париже было возложено на архипресвитера собора Нотр-Дам, то в 1205 г. епископ учредил вторую должность — архипресвитера церкви Сен-Северен на Левом берегу, что вызвало протесты со стороны аббатства Сент-Женевьев[51]. Для нас важнее, что канцлер собора Нотр-Дам теперь претендовал на выдачу лиценций не только для теологов и канонистов, но и для магистров «свободных искусств», ранее получавших лиценции из рук аббата и его канцлера. По-видимому, на холме Св. Женевьевы с этим не смирились, о чем мы узнаем из письма папы Гонория III от 1221 г. В послании папа осуждал канцлера собора Нотр-Дам за то, что тот третировал магистров, получивших свои лиценции от канцлера аббатства Сент-Женевьев.

Итак, число парижских школ стремительно возросло за считаные годы, работы у канцлера прибавилось, чем и было вызвано епископское предписание 1207 г., обязывавшее канцлера безвыездно находиться в Париже. А в город

---

50 *Dubois J., Beaumont-Maillet L.* Sainte Geneviève de Paris. Paris, 1982. P. 92.

51 *Baldwin J.W.* Philippe Auguste et son gouvernement... P. 268–269.

при этом все прибывали и прибывали новые студенты — росла слава французского короля, росла слава Парижа, росла слава его школ, и очень скоро этот поток пополнился магистрами и студентами, пострадавшими от интердикта, наложенного на Англию.

Впрочем, до смерти епископа Эда де Сюлли (1208) и канцлера Превостена (1209) даже эта столь быстро менявшаяся ситуация не вызывала протестов ни у кого, кроме аббата Сент-Женевьев. Епископ и канцлер пользовались большим авторитетом, к ним в школах давно привыкли, да, по-видимому, они и не пытались извлечь максимальную выгоду из перемен. Новый епископ Пьер де Немур и особенно его канцлер Жан де Шанделе не имели такого влияния. Начался конфликт между самоорганизующейся корпорацией магистров и парижскими церковными властями. Конфликт этот вспыхивал с новой силой тогда, когда епископскую кафедру или должность канцлера занимали новые фигуры. В итоге магистрам все же удалось получить контроль над выдачей лиценций (теперь ее уже вполне уместно назвать присуждением ученых степеней). Этому способствовало восстановление полицентризма церковной власти на Левом берегу: аббат и канцлер Сент-Женевьев вернули свои права. Но власть обители Сен-Виктор над студентами слабела вопреки предписаниям пап. Вспомним, как Гонорий III запрещал магистрам ставить препоны студентам, желавшим посетить пригородное аббатство. Считается, что преподаватели парижских школ опасались притяжения ученой обители, демонстрировавшей их воспитанникам слишком привлекательную модель сочетания благочестия с образованностью[52]. Но вскоре аббатство Сен-Виктор перестает упоминаться и в этом контексте, поскольку в самом Париже появились еще более заманчивые центры притяжения для студентов — конвенты нищенствующих монахов. Вторая четверть XIII в. будет отмечена «утечкой мозгов» самых ярких магистров и студентов к доминиканцам и францисканцам. Но это очередное усложнение мира парижского образования, которое приведет к новому сильнейшему его потрясению, относится к иному периоду, когда мы можем говорить уже о состоявшемся университете.

---

52 *Gorochov N.* Naissance de l'Université… P. 358; *Longère J.* La fonctions pastorale de Saint-Victor… P. 305.

В таком «спонтанном» зарождении корпорации был немалый элемент случайности. И для понимания того, как сработала цепочка случайных обстоятельств, запустившая в действие вышеназванные факторы[53] (равно как и те, которые мы назвать не успели), нельзя недооценивать уникальные особенности парижской истории.

Это не значит, что, например, в особенностях парижской топографии мы сможем найти, наконец, разгадку тайны рождения университета. Правильнее говорить о «кольцевой причинности», где все было взаимосвязано и где причины, умножаясь, усиливали друг друга. Но можно ли говорить о какой-либо генерализации на примере рассмотренного парижского казуса (или кейса, как принято сейчас говорить)? Если и можно, то, наверное, вот в каком смысле: именно плюрализм полюсов влияния, многообразие интересов игроков и неоднородность окружающей среды как в социальном, так и в пространственном отношении — иными словами, то многоцветье, которое и придавало истории средневекового Запада качественную определенность, проявилось в Париже начала XIII столетия в полной мере. Но этого было бы недостаточно при отсутствии интеллектуальной составляющей, если бы не было людей, способных найти адекватную форму выражения своих намерений, способных не только опереться на уже отстроенный каркас правовых установок, но и умело использовать его, несколько видоизменяя к своей выгоде.

Однако это относится только к моменту зарождения новых структур. Затем обретенный опыт за счет отлаженных каналов коммуникации становится достоянием всего латинского Запада, и вскоре то, что́ было порождено уникальным сочетанием местных условий, уже в готовом виде утверждается в других краях, лишь адаптируясь к местным условиям.

---

[53] В том числе и те, о которых говорилось в предыдущих главах данной части книги: формирование и формулирование принципов взаимодействия общин секулярных каноников, складывания института *licentia docendi*.